

Кооперация в оценке крестьян северо-запада России (по материалам 1920-х гг.)

Первые годы советской власти отмечены поиском форм и методов регулирования экономической жизни и управления страной. Среди проблем важнейшее место занимал вопрос о сельском хозяйстве и взаимоотношении государства с крестьянской средой. Гражданская война подорвала не только хозяйственные устои деревни, но и моральный дух сельского населения, усугубленный политикой «военного коммунизма» и продразверсткой. Поворотным моментом в судьбах деревни и крестьянства стал переход к новой экономической политике с такими ее элементами, как замена продразверстки продналогом, кооперация, введение единого денежного налога, торговля и др. Одним из важнейших средств государственного воздействия на социальные процессы в обществе была кооперация.

Разрешив свободный товарообмен излишков продукции крестьянского хозяйства на промышленные изделия, в том числе путем свободной купли-продажи на рынке, советская власть стремилась первоначально осуществить его через кооперацию, минуя частный рынок. Но сделать этого не удалось из-за крайней ограниченности товарообменного фонда, находившегося в руках кооперации, с одной стороны, и недостатком сельскохозяйственных продуктов с другой, а также из-за слабости кооперативного аппарата, недовольства крестьян неэквивалентным обменом: цены на промышленные товары были установлены вдвое выше рыночных. Частный торговец, располагавший большим ассортиментом товаров, продавал их крестьянам по ценам более низким, а скупал продукцию сельского хозяйства по ценам выше, чем установил Наркомпрод для обмена.¹ Неприемлемой

оказалась для крестьян и натуральная форма обмена, так как в кооперации они не всегда находили товар, нужный им; в свободной же продаже необходимые изделия были.

Видя недостатки кооперации, местные органы власти практиковали проведение волостных, уездных и губернских ярмарок и базаров с более широким ассортиментом товаров, а перед кооперативами ставили задачи по приобретению тех, которые «необходимы для данного района, которые быстро в неделю могут разойтись, чтобы советский рубль обертывался быстро и пополнялся». «Только при этих условиях наш рубль может быть крепок и низовая кооперация может быть сильна, - отмечалось в одном из отчетов Ленсовета в 1924 г. - Она сможет тогда состязаться с частным капиталом».²

Отношение же крестьянства к кооперации на протяжении 20-х гг. было неоднозначным. В 1922 г. настроения были скорее безразличные «в силу того, что кооперация мало очень дает за недостатком предметов первой необходимости и незначительной дешевизны цен, в сравнении с рыночными, а временами и дороже последних».³ К 1924 г. претензии крестьян к кооперации стали более конкретными: «кооперация сельскохозяйственная и потребительская имеет много существенных дефектов: преступления, торгашеский уклон, дороговизна и недостаток ходовых товаров» (из отчета о проведении в Псковской губ. волостных крестьянских конференций).⁴ К 1929 г. выступления стали еще более категоричными: «Откройте вольную торговлю и закройте кооперацию. Все желаем вольную торговлю, пусть в лавке торгуют хозяева без жалованья».⁵

В условиях новой экономической политики наибольшее распространение получили кредитные товарищества и снабженческо-сбытовые кооперативы. Для более широкого вовлечения бедняцких и мало-

Хришкевич Татьяна Георгиевна - аспирантка кафедры отечественной истории Псковского педагогического университета им. С.М.Кирова.

имущих хозяйств в кредитную кооперацию практиковались такие меры, как рассрочка паевых взносов, создание специальных фондов, удешевление кредита и др., а для повышения авторитета кооперации в состав правления избирали крестьян, пользующихся доверием населения, а также представителей сельской интеллигенции. Обратный капитал создавался путем привлечения сбережений и свободных средств крестьянства, которые рекомендовалось держать на счетах в кредитной кооперации.⁶

Однако и эти меры вызывали суждения неоднозначные. Например, в письме отпусника - рабочего ленинградской фабрики им. Желябова - в комиссию культуры города с деревней от 29 августа 1925 г. приводились оценки крестьянами деятельности кооперации: «Со стороны крестьяне говорят, что советская власть очень хорошая во всех отраслях общественной жизни, только есть со стороны крестьян недовольство кооперативной линией. Мужички говорят - есть у нас сельскохозяйственное кредитное товарищество, в котором можно получать кредит для устройства своего хозяйства. Крестьяне говорят, что кредитная кооперация дает, например, 100 рублей в кредит, и из этих денег сразу же вычитывает процент: со ста рублей - 25 рублей при получении, а возврат в сто рублей должен быть, а во-вторых, дает только на приобретение постройки избы или дома, или же на приобретение скота - лошади. Мужички и говорят, что дали бы для приобретения семян, мы бы посеяли поле, и не брали бы такого большого процента при получении денег».⁷ Большие поборы существовали и при организации кооперативного займа, что тоже вызывало недовольство крестьян.⁸ Нередко облигации его распространялись принудительно, что порождало нездоровые высказывания и слухи среди населения. Так, кооператив Партизанского сельсовета Островского района рассчитывался с крестьянами за выделяемые ими подводы облигациями, несмотря на многочисленные крестьянские протесты. Иногда в ход шли угрозы. Так, председатель Синеречского сельсовета, Красногородского р-на, Панфилов запугивал: «Если кто будет отказываться от приобретения

займа, тех будут отправлять на Тихий океан» или «всех отказавшихся от приобретения займа будут высылать на Мурман». А председатель Симонятского сельсовета, Палкинского р-на угрожал брать таких на заметку, «как противников Советской власти».⁹ Неудивительно отсюда и многочисленные отказы от приобретения облигаций займа: «Если у меня есть деньги, так я и без вашего займа подниму хозяйство, и так нас советская власть обобрала, каждый день все просят куда-нибудь деньги. Купишь заем, а деньги пропадут».¹⁰

Наиболее распространенной на Северо-Западе России была потребительская кооперация, чему способствовало на первых порах введение обязательного членства (отменено в 1923 г.), отсутствие вступительных взносов и распределение прибыли по паям. На 1 января 1922 г. в Петроградской губ. насчитывалось уже 597 потребительских обществ, в том числе 220 сельских, в Псковской губ. - соответственно 279 и 268.¹¹ С начала 1924 г. потребительская кооперация основных районов Северо-Запада реорганизовалась: была ликвидирована губернская и уездная субординация, создана система районных и межрайонных потребительских организаций. Это улучшило конкретное руководство низовыми обществами и крестьянскими массами, уменьшило штаты и удешевило содержание кооперативного аппарата. Но имевшие место экономические и должностные преступления в кооперативной сети сказывались на отношении к ней крестьянства. Об этом неоднократно, например, сообщалось в сводках ОГПУ по Псковской губ.: «В Торопецком уезде нет ни одного кооперативного объединения, где бы не было недостачи не менее 190 рублей. Растраты носят эпидемический характер».¹² Но при всем этом потребительская кооперация охватывала все более широкие слои сельского населения: за 1924 г. показатели членства выросли в Ленинградской губ. с 11 до 14%, в Новгородской - с 8 до 11%, в Псковской - с 7 до 11 %.¹³ В трех губерниях она насчитывала на 1 октября 1924 г. 83492 пайщика (12% крестьянских дворов), а на 1 марта 1925 г. - 108592 пайщика (15%).¹⁴

Потребительская кооперация охватывала преимущественно середнячко-бедняц-

кие слои, линия советской власти была направлена на вытеснение из нее зажиточных хозяйств. Многие состоятельные крестьяне, в том числе середняки, и сами не особенно стремились вступать в кооперативы, а у ряда вступивших появлялось желание выйти. Вот что говорил, например, в Выборском р-не, Псковского округа, Максимов Михаил: «Надо всем выходить из кооперации. Вот я нигде не состою пайщиком, а живу не хуже других. Мы должны работать честно, а в кооперации сидят одни мазурики, которые приучают нас к воровству. Они ввели у себя разные литры да метры, и все это с целью обворовать мужика». «Кооперация не дает нам никакой пользы, а помогает лишь лодырям, нас приглашают на выборное собрание, а если что там скажешь, угрожают тюрьмой», - таким было мнение Яковлева Михаила из Пушкинского р-на. «Какая польза от кооперации, когда там развелось кумовство, - говорил еще один из крестьян. - Товары из лавок отпускаются только знакомым. Все служащие кооперация сволочи и паразиты».¹⁵ Недовольство злоупотреблениями в кооперативах, отсутствие зачастую товаров первой необходимости, дороговизна приводили к массовому уходу пайщиков, что отмечали сводки ОГПУ во всех северо-западных губерниях. Так, в кооперативе «Смычка», Ленинградской вол. Ленинградского у. в 1925 г. было «подано 100 заявлений о выходе, причем 30 пайщиков сразу же вышли».¹⁶

Недовольство кооперацией вызывало к жизни случаи возникновения в деревне заведомо фиктивных кооперативов или же к формальному членству. Такими лжекооперативами зачастую руководил кто-нибудь из «бывших». Так, в 1922 г. выяснилось, например, что в Новгородской губ. уже в течение более двух лет действует «Товарищество промысловых, кустарных и сельскохозяйственных союзов», которым руководил бывший комиссар Временного правительства кадет Булатов. В противовес ему по инициативе губкома РКП(б) была создана «красная» сельскохозяйственная кооперация, но она спустя некоторое время «местами вынуждена была сократить свои операции в силу...большей опытности Булатовского товарищества».¹⁷ Главное,

что могло заинтересовать крестьян в кооперации, сделать ее привлекательной для них, - это показать ее преимущества перед подобными лжекооперативами. Одним из средств этого являлось снижение кооперативных цен. В Псковской губ. они с октября 1925 г. по октябрь 1926 г. снизились, например, на ситец и ряд других товаров на 11%.¹⁸ К 1928 г. производственной кооперацией различных видов было охвачено по всей России около 28 млн. чел., в 13 раз больше, чем в 1913 г.¹⁹

Важную роль сыграли продажа товаров в ходе заготовок, создание хлебных, валютных и промтоварных резервов для регулирования рынка и цен, установление правильных экономических отношений между городом и деревней, выразившихся в установлении твердых цен на машины и орудия по заводскому прейскуранту 1913 г. с рассрочкой платежа на два-три урожая, в снижении цен на минеральные удобрения, в льготном кредитовании на покупку машин и удобрений, выделении ссуд, в льготном порядке расчетов за кредиты с рассрочкой платежа.²⁰ Широкое распространение получило также использование сельскохозяйственных машин и инвентаря в сети кооперативных прокатных и зерноочистительных пунктов, машинных, коневодческих, молочных и других товариществ, в ТОЗах и сельхозартелях. Созданию благоприятных рыночных условий содействовали и государственная политика по приведению в соответствие цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, поощрение развития тех или иных культур.

Политика ценообразования также нашла свой отклик в среде крестьянского населения. Высказывания крестьян касались преимущественно увеличения налогов, распространения займов, выплаты царских долгов и содержания аппарата. «С крестьян берут очень много налога под видом политики цен, - зафиксировала наиболее характерное высказывание в Псковской губ. сводка ОГПУ. - Но дело в том, что содержание правительственного аппарата обходится слишком дорого, т.к. фактически ведутся двойные расходы - на содержание советских органов и партийных».²¹ Другая сводка отметила бродившие по деревне слухи о причинах роста налога: «Увеличение сельхозна-

лога вызывается неустойчивостью советского червонца, который обесценивается с каждым днем, и только путем жесткого нажима на крестьянство правительство хочет сохранить устойчивость рубля. Но из этого ничего не выйдет, и положение крестьянства будет все равно ухудшаться».²²

Таким образом, в кооперативной политике государства рыночные элементы сочетались с антирыночными: строго выдерживался классовый принцип членства в кооперации, спускались планы скорейшего «поголовного кооперирования» населения, для чего периодически проводились массовые кампании, постоянно ограничивались в торговле возможности частного капитала; созданный в 1924 г. наркомат внутренней торговли постоянно вмешивался в товарооборот, не считаясь с законами рыночной экономики; за кооперацией велся постоянный надзор изнутри и снаружи. В кооперативных союзах «парторганы почти во всех случаях через каждые два месяца сменяли правление. Снижали и вновь повышали не только партийных, но и беспартийных, без всякого участия и совета кооперированного

населения».²³ С годами экономическая жизнь страны все в большей степени оказывалась заложницей борьбы за власть. Борьба с частной торговлей, стремительная бюрократизация государственной и кооперативной торговли, превращение ее в разновидность снабжения и сбыта привели к обострению дефицита товаров. Проблема лежала «в плоскости неправильной идеологической установки и вытекающих отсюда неверных организационных мероприятий».²⁴

Но следует отметить и другую сторону: кооперация вторглась в общинный уклад с особым социально-психологическим типом крестьянина, в стойкие традиционалистские установки, переходящие из поколения в поколение. Кооперирование издавна накапливало в крестьянстве элементы нового, принципиально ничего не меняя. Замкнутость единоличника исподволь нарушалась, он втягивался в рыночные отношения, приближался к внешнему миру. Претерпевала изменения и личность самого крестьянина: возникали новые интересы, расширялись представления о жизни, но, даже будучи кооперированными, крестьяне в значительной своей части оставались пассивными.

Примечания

1. Берхин И.Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы советской власти. М., 1970., С.197.
2. ЦГА СПб., ф.1000, оп.79, д.516, л.5.
3. ГАНИПО, ф.1, оп.1, д.165, л.82.
4. Там же. Ф.1, оп.4, д.151, л. 47.
5. Там же, Ф.3, оп.1, д.387, л.2.
6. ЦГАИПД СПб., ф.16, оп.1. д.153, л.64.
7. ГАНИПО, ф.1, оп.4. д.205, л.230.
8. ЦГАИПД СПб., ф.16, оп.1, д.152, л.5.
9. ГАПО, ф.324, оп.1, д.225, л.81.
10. Там же. Л.54.
11. Селезнев В.А., Смышляев В.А. Первые шаги социалистических преобразований в сельском хозяйстве Северо-Запада РСФСР. 1917-1929 гг. Л., 1983. С.75.
12. ГАНИПО, ф.1, оп.1, д.394, л.104.
13. Селезнев В.А., Смышляев В.А. Указ.соч. С.72.
14. Там же. С.78.
15. ГАПО, ф.324, оп.1. д.225, л.24.
16. РГАЭ, ф.478, оп.1, д.1805, л.741.
17. ЦГАИПД СПб., ф.9, оп.1, д.16, л.12.
18. Селезнев В.А., Смышляев В.А. Указ.соч, С.80.
19. Бинкевич Н.И. Первые итоги развития страны на основе НЭПа. Альтернативы социалистического строительства (1923-1929 гг.). Минск, 1990. С.9.
20. Ильин С.С. Формы и методы экономического регулирования крестьянского хозяйства при НЭПе //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1996, № 3. С.32.
21. ГАПО, ф.324, оп.1, д.225, л.29.
22. Там же. Д.226, л.11.
23. Кабанов В.В. Кооперация. Революция. Социализм. М.,1996. С.164.
24. Новиков М.Н. Исторический опыт НЭПа: идеи и реальность. М., 1997. С.77.